

Павел – учитель нашего времени

Бенедикт XVI
2 июля 2008 г.

Дорогие братья и сёстры!

Сегодня я хотел бы начать новый цикл катехитических бесед – о великом апостоле, св. Павле. Как вы знаете, ему посвящён этот год: от праздника свв. Петра и Павла, 29 июня 2008 г., до того же праздника в 2009 г. Апостол Павел, исключительный человек, при всей своей неповторимости побуждающий нас ему подражать, возвышается перед нами как пример всецелой преданности Господу и Его Церкви, а также полной открытости по отношению к человечеству и его культурам. Поэтому мы правильно поступаем, уделяя ему особое место: и когда почитаем его, и когда стараемся понять, что он говорит нам, сегодняшним христианам. Сегодня, на первом занятии, рассмотрим среду, в которой жил и действовал св. Павел. Казалось бы, такая тема уведёт нас далеко от нынешнего времени: ведь мы должны погрузиться в мир двухтысячелетней давности. Однако это верно лишь по видимости и частично: мы сможем убедиться в том, что во многих аспектах сегодняшний социо-культурный контекст не сильно отличается от тогдашнего.

Первостепенный и основополагающий фактор, требующий нашего внимания, – это отношения между средой, в которой Павел родился и вырос, и глобальным контекстом, в который он впоследствии включился. Павел происходит из очень конкретной, чётко очерченной культуры, несомненно миноритарной – это культура народа Израилева и его традиции. В древнем мире и, конкретнее, внутри Римской империи, как сообщают учёные, евреи составляли около 10% всего населения. А здесь, в Риме, в середине I века их было ещё меньше: не более 3% от числа жителей. Их верования и стиль жизни чётко выделяли их, как бывает и сегодня, из окружающего мира. Отсюда могли следовать два результата: или насмешка, чреватая нетерпимостью, или восхищение, выражавшееся в различных формах симпатии. Так появлялись «боящиеся Бога», или «прозелиты» – язычники, которые присоединялись к синагоге и принимали веру в Бога Израилева. Вот конкретные примеры двух тенденций: с одной стороны, резкое суждение оратора Цицерона, презиравшего религию иудеев и даже город Иерусалим (ср. *В защиту Флака* 66-69), а с другой – позиция жены Нерона Пoppей, «симпатизирующей» иудеям, по свидетельству Иосифа Флавия (ср. *Иудейские древности* 20,195.252; *Жизнь* 16). Более того, уже Юлий Цезарь официально признал за ними особые права, о которых нам сообщает вышеупомянутый еврейский историк Иосиф Флавий (ср. там же 14,200-216). Несомненно, число евреев – впрочем, как и сегодня – было гораздо выше за пределами Израиля, то есть в диаспоре, чем на территории, которую другие народы называли Палестиной.

Итак, неудивительно, что и на Павла устремились те контрастирующие чувства, о которых я сказал. Несомненно одно: партикуляризм иудейской культуры и религии легко находил себе место внутри такого «всеядного» учреждения, как Римская империя. Больше трудностей и страданий достанется той группе, состоящей из евреев или язычников, которая с верой последует за Иисусом из Назарета, – поскольку она отделяет себя и от иудаизма, и от господствующего язычества. Во всяком случае, два фактора благоприятствовали деятельности Павла. Первый – греческая, точнее эллинистическая, культура, которая после Александра Македонского стала общим достоянием восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, хотя и включала в себя многие элементы культур тех народов, которые традиционно считались варварскими. Писатель той эпохи сообщает: Александр «приказал, чтобы все считали родиной целую ойкумену... и чтобы грек и варвар больше не отличались друг от друга» (Плутарх, *Об удаче или доблести Александра Великого*, §§ 6.8). Второй

фактор – политико-административная система Римской империи, обеспечивавшая мир и стабильность от Британии до южного Египта, унифицировавшая территорию прежде не виданных размеров. По этому пространству можно было передвигаться достаточно свободно и безопасно, пользуясь к тому же великолепной системой дорожного сообщения и находя в каждом пункте прибытия базовые культурные характеристики, которые не стирали местных особенностей, но всё же составляли каркас единообразия. Поэтому еврейский философ Филон Александрийский, современник Павла, восхваляет императора Августа, который «привёл в гармонию все дикие народы... став хранителем мира» (*Legatio ad Caium*, §§ 146-147).

Универсалистский подход, типичный для св. Павла (по крайней мере, для Павла-христианина, после явления на пути в Дамаск), восходит, несомненно, к вере в Иисуса Христа, поскольку Воскресший теперь возвышается над всякой частной ограниченностью. В самом деле, для апостола Павла «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3,28). Тем не менее, историко-культурная ситуация в его время и в его среде тоже не могла не повлиять на его решения и на его деятельность. Кто-то назвал Павла «человеком трёх культур», имея в виду иудейские корни, греческий язык и прерогативу римского гражданства, о которой свидетельствует имя латинского происхождения. Следует особо упомянуть стоическую философию, которая в ту эпоху господствовала и оказала влияние, хоть и незначительное, также и на христианство. В связи с этим нельзя обойти молчанием некоторых философско-стоиков, таких как основоположники Зенон и Клеант, а также более близкие к Павлу по времени Сенека, Мусоний и Эпиктет. Высочайшие ценности гуманизма и мудрости, восходящие к этим мыслителям, были, естественно, восприняты христианством. Прекрасно пишет об этом учёный: «Стоя... возвестила новый идеал, который возлагал на человека обязанности по отношению к ему подобным, но одновременно освобождал его от всех физических и национальных связей и превращал в чисто духовное существо» (M. Pohlenz, *La Stoa*, I, Firenze 1978, pagg. 565s). Вспомним, например, учение о вселенной как о едином, огромном, гармоничном теле; отсюда следует учение о равенстве всех людей, без социальных разделений, о равенстве – хотя бы в принципе – мужчины и женщины. Вспомним идеал воздержанности, надлежащей меры и господства над собой во избежание всяких излишеств. Когда Павел пишет филиппийцам: «Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Флп 4,8), он всего лишь воспроизводит гуманистическую концепцию, укоренённую в философской мудрости.

Во времена св. Павла переживала кризис традиционная религия, по крайней мере в своих мифологических, а также гражданских аспектах. После того как Лукреций, столетием раньше, полемически объявил, что «религия стала причиной многих преступлений» (*О природе вещей* 1,101), философ Сенека, весьма далеко отходя от всяческой внешней ритуальности, учил, что «Бог близок к тебе, с тобой, внутри тебя» (*Письма к Луцилию* 41,1). Подобным же образом Павел, обращаясь к философам – эпикурейцам и стоикам в афинском ареопаге, говорит: «Бог... не в рукотворенных храмах живёт... мы Им живём и движемся и существуем» (Деян 17,24.28). Безусловно, здесь Павел выражает иудейскую веру в Бога, не представимого в антропоморфических образах, но также и настраивается на религиозную волну, хорошо известную его слушателям. Кроме того, мы должны иметь в виду, что многие языческие культы дистанцировались от официальных городских храмов и разворачивали свою деятельность в частных помещениях, где было удобнее организовывать инициацию приверженцев. Поэтому никого не удивляло, что и христианские собрания (*ekklesiai*) проводились в частных домах, о чём свидетельствуют, прежде всего, письма Павла. Впрочем, в то время общественных церковных зданий ещё не было. Поэтому христианские собрания должны были выглядеть в глазах современников просто как разновидность такой менее официальной религиозной практики. Однако отличия христианства от языческих

культов очень значительны: это иное самосознание участников, совместное участие в собрании мужчин и женщин, празднование «вечери Господней» и чтение Писаний.

Итак, краткий обзор культурной среды первого века христианской эры показывает: чтобы правильно понять св. Павла, необходимо воспринимать его на фоне – как иудейском, так и языческом – той эпохи. Тогда образ апостола обретёт историческую и идейную весомость, и мы увидим, что у него общего со средой, а чем он выделяется из неё. Но то же можно сказать и о христианстве вообще, для которого именно апостол Павел служит первоочередной парадигмой, до сих пор неизменно способной многому всех нас научить. Такова цель юбилейного года: учиться у св. Павла, учиться вере, постигать Христа, находить путь праведной жизни.